

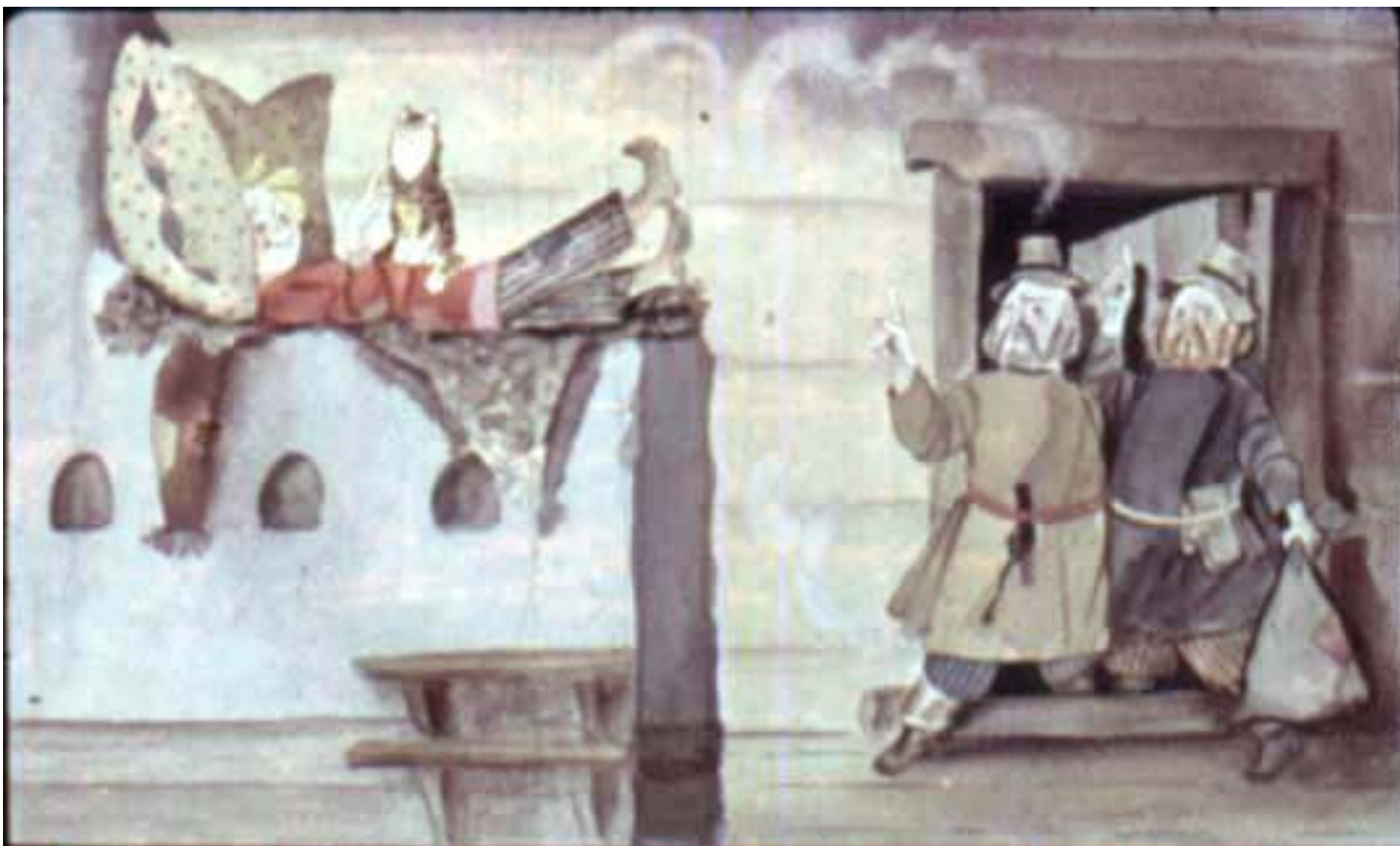
По шучьему велению

Русская народная сказка
художник А. Елисейев

В одной деревне жили-были братья: двое умных, а третий
Емеля-дурачок.

Собрались как-то старшие братья в город, на ярмарку. «Ты, Емеля, не ленись,—говорят они ему,—на печке не залёжись, наших жён во всём слушайся. Мы тебе за это подарки привезём». — «Ладно,—отвечает Емеля,—буду слушаться».

Немного погодя говорят Емеле невестки: «Сходи-ка, Емелюшка, по воду—у нас воды нет». — «Неохота мне!» — отвечает им Емеля. «Как так неохота? А кто обещал нас слушаться?»

«Ну ладно!» — согласился Емеля. Слез с печи, обулся, накин-
нул зипунишко, засунул за пояс топор, взял вёдра да коро-
мысло и пошёл.

Спустился он с горки, стал лёд вокруг проруби обкалывать.
Глядь—всплыла большая щука. Изловчился Емеля, схватил
щуку за хвост и вытащил из пруда. [9]

«Не губи меня, Емелюшка,—говорит ему щука человеческим голосом.—Отпусти меня в речку. Я сделаю так, что всё по-твоему слову будет исполняться. Только скажи: «По щучьему веленью, по моему хотенью».

Бросил Емеля щуку в прорубь и говорит: «По щучьему веленью, по моему хотенью, зачерпнитесь, вёдра, да ступайте в избу сами!» Только успел вымолвить—вёдра сами зачерпнулись и зашагали в горку. А Емеля за ними шагает да посмеивается.

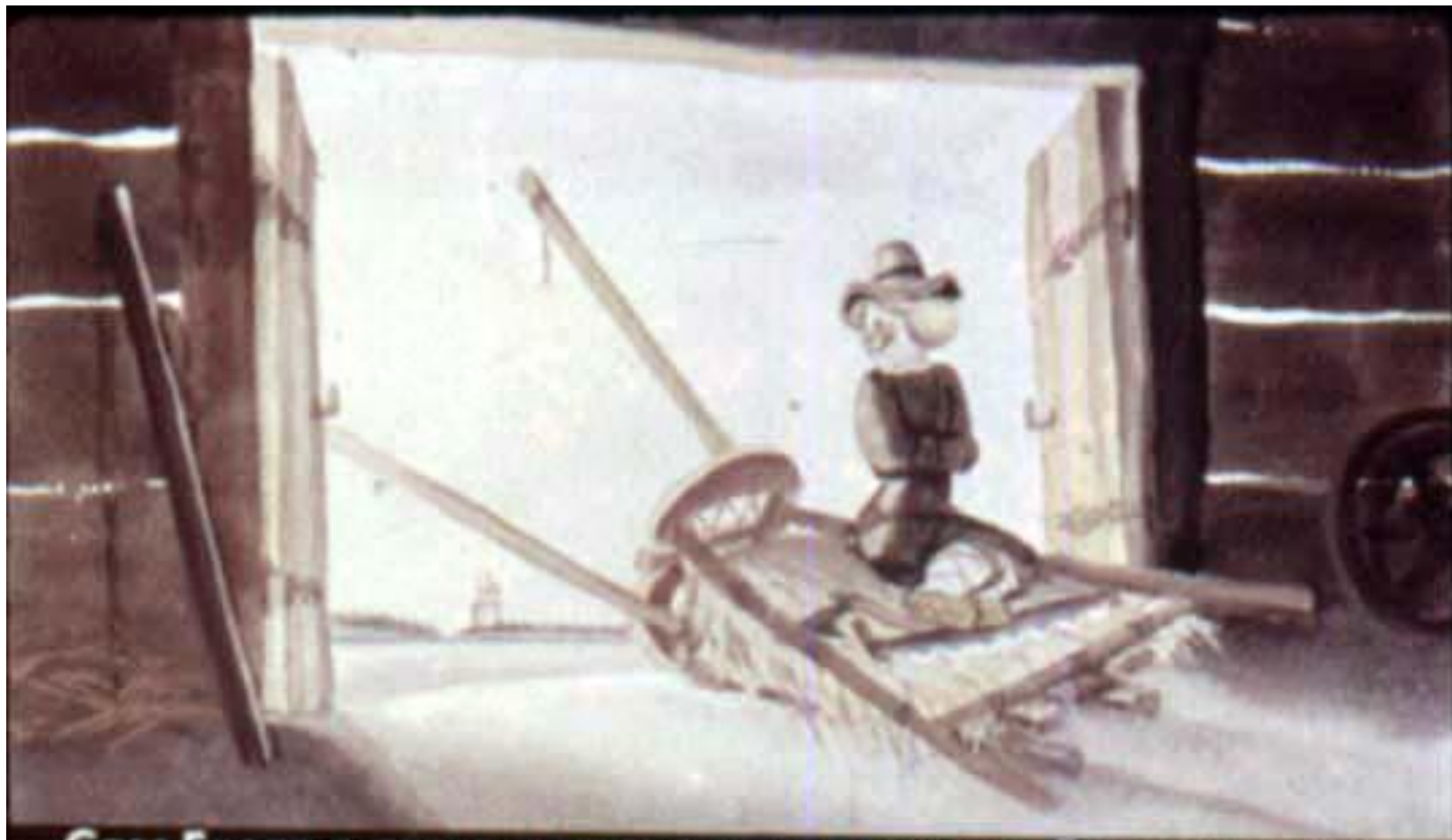
Увидели это соседи—диву дались, из дворов, из домов
повыбежали.

Поравнялись вёдра с избой, по ступенькам на крыльцо взо-
шли—ни капли не расплескали, сами на лавочку стали.

А Емеля на печку взобрался. «Печка-то остыла, не греет!»—говорит он невесткам. «Оттого и не греет, что не топлена. Съезди-ка в лес, наруби дров, тогда и печку вытопим».

Слез Емеля с печки, оделся и пошел во двор. Вытащил сани, бросил в них топор, пилу, верёвку и сам в них уселся: «По щучьему веленью, по моему хотенью, бегите, сани, в лес сами». Сани и поехали, только оглобли по сторонам мотаются—забыл Емеля их подвязать.

В одном селе в ту пору людно было — праздник справляли. Бегут люди за санями, охота им поглядеть, как это сани без лошади едут. А оглобли народ во все стороны расшвыривают.

Прибежали сани в лес, остановились. Емеля и говорит:
«По щучьему веленью, по моему хотенью, ты, пила, деревья
пили, ты, топор, дрова руби, а вы, дрова, сами под топор
становитесь, сами на сани укладываетесь да верёвками
обвязываетесь!»

Так всё по его слову и случилось. Подвязал Емеля оглобли, уселся на воз и крикнул: «По щучьему веленью, по моему хотенью, бегите, сани, домой сами!» Сани и побежали. [55]

А в селе поджидают Емелю—кто с рогачами, кто с ухватами, кто с палками, кто с верёвками. Хотят схватить—наказать Емелю. Завидели его и давай кричать: «Держи его! Лови его! Хватай его!» Да разве его удержишь?

Подкатили сани к своим воротам и стали. Поленья с воза соскочили и побежали: какие — в поленницу укладываются, какие — в избу да прямо в печку.

А тем временем люди побежали к царю, стали жаловаться: есть в такой-то деревне Емеля-дурачок, он без лошади на санях ездит, всех пугает, с ног сбивает, в сугробы загоняет. Послал царь своего вельможу привести к нему Емелю. [8]

Приехал царский вельможа в деревню, да не один, а со слугами. Вошёл в Емелину избу и давай кричать: «Где тут Емеля-дурак? Подавайте его сюда!»

Емеля отвечает: «Здесь я, на печке сижу да на тебя гляжу. Что тебе надобно?» — «Одевайся, дурак, обувайся! Повезу тебя к самому царю!» — «А мне неохота!» — Емеля ему в ответ. 20

«Ах, так! Ты ещё разговариваешь!» — подскочил царский вельможа к Емеле и ударил его. Не понравилось это Емеле. Он и шепни: «По щучьему веленью, по моему хотенью, угости его, дубинка!»

Поднялась тут дубинка и давай царского вельможу охаживать. Бросился тот из избы бежать. А дубинка не отстаёт: по спине и по плечам оглаживает. Так до самого дворца и проводила.

Приполз избитый вельможа к царю и говорит: «Силой его не взять, надобно хитростью...»

Послал царь другого вельможу. Тот набрал пряников, орехов да леденцов. Приехал в деревню, разыскал Емелину избу. Вошёл, поклонился низко: «Здравствуйте, Емельян Иванович! Покушайте гостинцев и поезжайте со мной к царю. Не поедете—царь голову мне срубит!»

«Ну будь по-твоему,—говорит Емеля,—поеду. Только ты
вперёд поезжай, а я вслед за тобой буду». Потягивается
Емеля на печке и говорит: «Не хочу с тёплой печки сле-
зять! По щучьему веленью, по моему хотенью, поезжай,
печка, к царю!»

Тут печка заворочалась, крикнула и пошла. Через поля, через луга, через сёла и деревни. Идёт печка, из трубы дым валит, а Емеля за трубой сидит, песни поёт.

Пришла печка прямо в столицу, прямо к царскому дворцу. Вышел царь на крыльцо со своей дочкой, с боярами да вельможами. «По какому праву ты на санях без лошади едешь, моих подданных пугаешь? — закричал царь. — Кнута ему — и в острог!»

Видит Емеля: добра здесь не ждять, и шепнул тихо: «По щучьему веленью, по моему хотенью, ступай, печка, обратно. А ты, царская дочка, крепко в меня влюбись и замуж за меня просись!»

Повернулась печка и пошла назад.

А в царском дворце крик да слёзы. «Зачем Емеле грозили, стращали?—плачет царская дочь.—Жить без него не могу. Замуж за него хочу!»

Делать нечего, приказал царь привезти Емелю. Поскакал в деревню царский посланец, опоил Емелю сонным зельем, связал верёвками, бросил в сани.

Привёз Емелю к царю, а у царя была уже приготовлена большая бочка. Схватили слуги Емелю, посадили в бочку. Увидала это царевна, выбежала из дворца, ухватила обеими руками за бочку: «Куда Емеля, туда и я!»

Царь в гневе и разум потерял—приказал и царевну в бочку посадить. Так и сделали. Набили на бочку крепкие обручи железные, засмолили и в море пустили.

Развязала царевна Емелю и стала будить его: «Что ты спишь, Емеля! Проснись! Выкати бочку на берег. Ты ведь умный, всё можешь!»—«Ну будь по твоему!—говорит Емеля.—По щучьему веленью, по моему хотенью, выкатись, бочка, на сушу!»

Бочка выкатилась на сушу и разорвалась. Вышли они, а царица и говорит: «Как же мы жить будем? Нам бы избушку маленькую...» — «Будет у нас и не избушка... — отвечает Емеля. — А ну-ка, по щучьему веленью, по моему хотенью, постройся, дворец, да лучше царского».

Только сказал — дворец уже готов. Стоит на семи столбах, крыши серебряные, маковки золотые, во все стороны крылечки расходятся. А вокруг дворца сады и пруды, по прудам гуси-лебеди плавают.

Вошли они во дворец, а в палатах ещё дивнее: по потолку красное солнышко ходит, солнышко уйдёт — месяц, звёзды появляются. Стали они жить, всего у них вдоволь, только скучно. «Хоть бы повидать кого из родных...» — просит царевна.

«Ладно! — говорит Емеля. — По щучьему веленью, по моему хотенью, перекинься поперёк моря, мост чугунный! А по мосту пусть к нам братья с жёнами приедут!» Мост и перекинулся.

По мосту телега едет, на телеге братья с жёнами сидят.
Стали Емелю обнимать, целовать.

Вдруг слышат — пушки палят: к острову корабль пристал, а на нём царь со свитою. «Куда путь держите? — спрашивает Емеля. «По морю ездим, бочку ищем... — отвечает царь. — В бочке дочка моя да Емеля-дурачок...»

«А ну-ка, погляди на меня получше: не я ли к тебе на печке приезжал?» — говорит Емеля. Царь бух Емеле в ноги: «Прости, Емелюшка, не вели казнить...» Тут и царская дочка к гостям вышла. «Пожалуйте, — говорит, — к нам во дворец».

Уселись все за столы дубовые, за скатерти узорчатые,
стали на радости есть, пить да песни петь.

Конец

Сценарий
Т. Каминской
Художественный
редактор В. Дугин

Редактор
Г. Витухновская

Д-177-81

© Студия «Диафильм» Госкино СССР, 1981 г.
101000, Москва, Центр, Старосадский пер., 7

Цветной 0-30